
ЭССЕ

А. В. КАЦУРА

ГОРЬКОЕ ПОЛЕ СВОБОДЫ

Страсть к поединкам, овладевшая русскими людьми из высших слоев общества в XVII–XIX веках, означала не только готовность сражаться за личную честь и достоинство, но и неутолимую жажду человеческой свободы, которой так не хватало в деспотическом обществе. Выходя к барьеру на смертный бой, дворяне, офицерство, поэты бросали вызов не только судьбе. На дуэльном поле они ощущали себя свободными людьми, поскольку имели право распоряжаться своей жизнью и своей смертью. По этой же причине на протяжении двух столетий власти объявляли дуэльному обычаю войну. Дуэльная практика во многом способствовала становлению независимого и сильного характера у русских людей, прежде всего у офицеров и дворян.

Ключевые слова: *дуэль, честь, свобода, правила, дворянство, офицерство, поэзия, национальный характер, благородство, монархия, демократия, нравы.*

Само Провидение указало
им на дуэль.

А. П. Чехов

Провидение? Промысел Божий? Или темный рок? Что имеет в виду писатель? Неужели он говорит о дуэли как о спасительном выходе из невыносимой ситуации?

Именно так! Антон Павлович размышляет о дуэли применительно к своим героям, которые искали честный выход из запутанных отношений и нашли его только тогда, когда бесстрашно сошлись лицом к лицу с оружием в руках. Это чеховское озарение на самом деле можно отнести ко всей верхушке русского общества XVIII–XIX веков. И даже начала века двадцатого.

В мрачно-рабском (с точки зрения просвещенного европейца) российском обществе прошлых столетий дуэльный обычай неожиданно и стремительно не только отвоевал себе заметное ме-

сто, он совершил куда большее. Фактически он способствовал созданию, прежде всего в высших слоях общества, нового типа русского человека – бесстрашного перед лицом тяжелой раны или даже смерти, гордого, шепетильного в вопросах чести, готового бескомпромиссно отстаивать свое личное пространство и свободу выбора. Особенно это было важно в традиционно деспотическом государстве. Вот почему на дуэльное поле столь безудержно стремились лучшие представители тогдашнего общества, прежде всего поэты и офицеры, поборники свободы и ревнители чести.

На поле этом пахло не только кровью и гибелью, там пахло восторгом бесстрашия. Там веяло свободой! Свободой распоряжаться своей жизнью, заглядывать в лицо смерти. По понятным причинам обычай этот проник и укрепился в дворянской среде. И так получилось, что лучшая часть дворянства стала лучшей частью российского общества – в смысле честности, неподкупности, бесстрашия и бурлящей творческой энергии. Последнее качество оказалось неразрывно связанным с тремя первыми. Практически не бывало так, чтобы трус и лжец оказывались творчески состоятельными.

Именно с людьми, готовыми выйти к роковому барьеру (а это как раз они в основном создали бессмертную русскую культуру XIX века, это они грезили о свободе для всех) стоило связывать светлые надежды на будущее страны. Увы, не случилось. Поражение этой малой части общества, ее уход с исторической сцены в начале XX века обозначили тяжелейший удар по национальному характеру и судьбам народа. Выбраться из возникшей трясины холопства, трусости, тупости, подлости и продажности мы не можем по сию пору.

История русской дуэли не только по времени, но и по внутреннему ритму, по глубинной сути своей совпала с историей Дома Романовых. Еще в XVII веке, при втором Романове, поединок по правилам проник в Россию, отвоевал себе, несмотря на суровые запреты власти, заметное и даже яркое место в жизни российского дворянства. Дуэльные баталии способствовали укреплению духа и утонченности характера русского дворянина, но одновременно собрали немалую жатву на полях русской культуры и русского воинства. Вслед за последним Романовым, относившимся к институту дуэли вполне терпимо и даже верившим, что она способствует улучшению нравов в офицерской среде, в трагические минуты российской истории дуэльные обычаи столь же быстро и необратимо

ушли в небытие, как и многие другие обычаи и основания старой русской жизни.

После событий 1917 года дуэльный обычай еще какое-то время существовал – как странный анахронизм – на той сжимающейся, как шагреновая кожа, части России, где продолжала свою безнадежную, заранее проигранную войну Белая армия. И даже когда жестокая братоубийственная распря загнала остатки отчаявшегося офицерства на крохотный крымский пятачок, русские офицеры, верные своей выучке и темпераменту, пытались разрешить порой вспыхивающие дискуссии и острые споры столь привычным для них и любезным дуэльным способом. Поединков было немного, но они случались.

Молодой казачий офицер Николай Туроверов был свидетелем двух поединков, а в одном принял участие в качестве секунданта. Стрелялись придерживавшийся республиканских взглядов поручик и монархист-подполковник. Оба дуэлянта благородно промахнулись, но перед надвигающейся с севера безбожной и кровавой тучей это уже не имело значения. Командующий красными войсками М. Фрунзе обещал всем сдавшимся офицерам жизнь. Многие поверили и сложили оружие. Почти сразу все они были расстреляны. Туроверов успел вскочить на корму последнего суденышка, покидающего Россию навсегда. Те, кто видел кинофильм «Служили два товарища», помнят блестящий эпизод с гениальным В. Высоцким (конь бросился в море за своим уходящим на перегруженном пароходике хозяином, который стреляет сначала в коня, а потом себе в висок). Но не все знают, что история эта описана Туроверовым:

Уходили мы из Крыма
Среди крови и огня.
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня.
А он плыл, изнемогая,
За широкою волной,
Все не веря, все не зная,
Что прощается со мной.
Сколько раз одной могилы
Избежали мы в бою.
Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою.
Мой денщик стрелял не мимо,

Стала красною вода.
Уходящий берег Крыма
Я запомню навсегда.

Туроверов нашел в себе силы не выстрелить в висок, он добрался до Турции, а потом и до Франции, где стал известным эмигрантским поэтом. С печальным вниманием вглядывался он в своих товарищей, пытаясь понять их души, сердца, настрой их растерзанных мыслей. Об уходе из Крыма он оставил немало стихов, в том числе и такие точные и горькие строки:

Мы шли в сухой и пыльной мгле
По раскаленной крымской глине.
Бахчисарай, как хан в седле,
Лежал в глубокой котловине.
И в этот день в Чуфут-кале,
Сорвав бессмертники сухие,
Я выцарапал на скале:
Двадцатый год – прощай, Россия.

Для того чтобы понять, как недавно все это было, достаточно сказать, что свояченица поэта Ирина Ивановна Туроверова дожила до XXI века в Сен-Клу, неподалеку от городка Бужевалья, того самого, где окончил свои дни И. С. Тургенев. Родословная этой родившейся в Константинополе и живущей во Франции русской дамы словно для примера вобрала в себя оба славных века русской истории: прадедом ее был герой 1812 года казачий генерал Иван Орлов, женившийся на одной из дочерей графа Мусина-Пушкина. За прабабкой Ирины Ивановны ухаживал Лермонтов, дедом ее был сподвижник М. Д. Скобелева генерал Давыд Орлов, старшая сестра матери породнилась с Воронцовыми-Дашковыми...

Почему с таким интересом мы вчитываемся в историю русских дуэлей, со жгучим вниманием всматриваемся в лица дуэлянтов? Казалось бы, что нам до них? К чему из нынешней жизни вглядываться в этот «кровавый и варварский способ разделки», бытовавший некогда в среде вполне благополучных русских дворян? Откуда и почему возникает это невольное чувство тайной симпатии к гордым и храбрым участникам смертельных поединков?

Может быть, потому, что история российской дуэли – это и история характера русского дворянина, и одна из пружин истории Дома Романовых и Санкт-Петербурга. Но, главное, потому, что это

печальная повесть о подъеме и упадке российского понятия о чести и достоинстве человека, безжалостно обнажившая глубину той ямы, в которую угодила Россия в XX веке.

В 1837 году дуэли были обычным явлением в жизни дворянской России. В том году, как и в предыдущем, как и в последующем, на дуэльных встречах погибло считанное число людей. Правда, в их числе и А. С. Пушкин. Через несколько лет – М. Ю. Лермонтов.

В 1937 году дуэлей в нашей стране не было и в помине. «Дикий сей обычай», заклейменный А. И. Герценом, В. Г. Короленко, В. М. Дорошевичем и многими другими гуманистами, ушел в небытие. Стала ли жизнь поэтов безопаснее? В том году, как и в предыдущем, среди миллионов невинно загубленных были убиты сотни и даже тысячи писателей и поэтов. И военные люди, офицеры, генералы, погибали вовсе не на дуэльном поле, где правила игры были жестоки, но честны. Нет, они гибли, теряя человеческий облик, в застенках и подвалах тайной полиции, где жестокость была безмерна, а о честности и человечности говорить не приходилось.

Выиграла ли Россия от того, что дуэль, этот открытый способ борьбы за личную честь, была уничтожена, заодно, правда, с дворянством? Какая связь, вы спросите? Если трудно увидеть связь прямую, то несомненно сильная косвенная связь. И разорванные связи сходятся, как в фокусе, в идее личности, в ее метафизической неограниченности и целостности, в ее независимости, в ее свободе и суверенных правах.

Князь Сергей Волконский, замечательный писатель и яркий театральный деятель, написал в эмигрантских воспоминаниях: «...Если бы этой революции не было. Все равно. Она была. Но она могла принести многое. Она могла принести возрождение. Она принесла – большевиков. Все было скошено, скошено под корень. Вот это... не все понимают из числа наших соотечественников, которых встречал за границей после моего бегства из советского ада. Все скошено, понимаете ли? Все».

Происхождение дуэли возводят к рыцарским обычаям. «Рыцарскую эпоху нельзя особенно помянуть добром: много в ней было темных сторон, – пишет некто М. Э., автор книги «Дуэль и честь в истинном освещении», опубликованной в Санкт-Петербурге в 1902 году, – но надо признать, что она сильно выдвинула нравственный идеал отдельной личности, до того почти не существо-

вавший. Дуэльный террор господствовал и угнетал, это правда; но под его давлением люди, – хотя бы только дворяне, – научились уважать друг друга как человек человека».

Русское дворянство не только породило великую культуру. Оно было той средой, где нравственная и ценностная конституция личности постепенно приобретала все более отчетливые очертания. В русской литературе позапрошлого века это совсем нетрудно разглядеть. В начале XX столетия этот процесс был прерван. Да, в жизни русского аристократического слоя было немало темного. Но сейчас, из исторического далека, мы видим ее светлые стороны. Между прочим, дворян с детства учили, что подличать нельзя, что доносить нельзя, что предавать друзей – ничего нет ниже и подлее. Быть может, не стоит идеализировать результаты такого воспитания. Но нельзя не пожалеть, что эти принципы не успели распространиться широко. К 30-м годам XX века в России практически не осталось дворян. Означил ли этот факт национальный выигрыш (в плане движения к сословному и социальному равенству)? Скорее он означил национальную катастрофу. Генералы – современники Николая II – доказывали, что дуэли улучшают нравы в офицерской среде. Удивительно, но еще в начале XX века эти генералы продолжали составлять и совершенствовать дуэльные кодексы.

Влас Дорошевич писал: «Дуэль, бывшая одним из рыцарских обетов, перешла к их наследникам, к дворянству, как обычай. Французская революция сравняла сословия, сделала привилегии общими. И с тех пор дуэль во Франции делается достоянием всеобщим. В этом отношении революция не уничтожила дворянства. Она всех возвела в дворянское достоинство».

Октябрьский переворот совершил нечто обратное. Он всех в России, включая немногих уцелевших дворян, загнал назад, в холопское, рабское состояние. Даже правители были холопами. Порою – полными ничтожествами. Сколь бы властолюбивыми и кровожадными они ни были, новым дворянством они стать не смогли. Ни по уму, ни по душе, ни по характеру. Княгиня Зинаида Шаховская сказала в конце XX века: «Во многих грехах можно обвинить русских аристократов, кроме одного. Последние семьдесят лет ни один из них не участвовал в руководстве Россией».

В Англии после 1840 года не было дуэлей. Британцы сумели перейти в постдуэльную эпоху, не потеряв, однако, понятия о достоинстве личности. Туда же шагнули французы и многие другие европейские нации. Мы же в России рухнули в, так сказать, доду-

ельную эпоху. Не вглядываемся ли мы в свое дуэльное прошлое как в новое и неожиданное будущее? Или наше будущее – только лишь убийства из-за угла? Или наше будущее (и печальное настоящее) – только грязные интриги, заказные убийства, безликие пу-стоглазые киллеры, безымянные пакеты со взрывчаткой, яд и кле-вета?

Изучение дуэльных эпизодов приближает к нам их участников. Дуэльная история как бы укрупняет человека. Выходящего на по-единок мы видим в лупу – со всеми прекрасными его качествами: горячим правдолюбием, смелостью, презрением к смерти. И со всеми низкими: злобой, завистью, ревностью, зависимостью от мнения света. Но в конце концов человек имеет право быть и злым, и завистливым, и ревнивым. У него нет только одного права – быть нелюдь. Нелюдь не стреляется у барьера, не выхватывает шпагу в защиту своей чести. Клевета, ложь, наветы, удары исподтишка, из-за угла, наглый несправедный суд – арсенал у них широк. Они спо-койно могут посылать на смерть и друзей (если только у них бы-вают друзья), и близких, и тысячи сограждан.

1929 год называли «Годом великого перелома», сталинским термидором, а на деле это был год воцарения сверхкровавой и сверхбезжалостной сталинской деспотии, загнавшей в землю все лучшее, что было в России. После него почти на всей территории бывшей Российской империи идея личности потерпела фиаско. Она зачахла и умерла, а упоминания о ней были безжалостно вы-топтаны. Парадоксально, но эпоха эта получила название культа *личности*. Всегдашние тоталитарные абсурд и ложь, даже в соб-ственных слоганах. Никакого почтения к личности не было. А культ вождя означал культ безличности, ибо кроме потерявшего челове-ческий облик тирана других личностей в стране быть не могло. Даже в ближайшем окружении тирана людей уже не оставалось. «...Он играет услугами полулюдей...» (О. Мандельштам). *Полулю-ди* – какое точное и какое страшное слово.

Вот почему можно было схватить гениального Н. И. Вавилова, бросить в тюрьму и убить там. И все молчат подавленно или без-различно, ибо по сравнению с уходящей за облака сталинской *про-стой* шинелью и великий биолог кажется букашкой. Можно ошельмовать и расстрелять маршала – первую шпагу страны. Ведь он тоже только букашка. И великого поэта. И великого режиссера...

Деспотическая власть ненавидит дуэль, ибо дуэль – это признак свободы. Точнее, это часть свободы, ее элемент. Дуэлянты дерзко

позволяют себе распоряжаться своей и чужой жизнью, тогда как в деспотическом государстве это священная монополия деспота. Одна лишь деспотическая, тираническая власть имеет право казнить и миловать.

Эзоп был рабом. Но он не был рабом внутренне, поскольку был личностью. Если же кто-то является рабом внутренне, то он не способен быть личностью. Так же не способна быть личностью песчинка толпы, охлоса. Тоталитарный режим преуспевает в превращении человека в раба, множества людей – в охлос, в жалкую, потную и сильно поглупевшую толпу. Но этот режим не так уж прочен, как кажется. Сам в себе несет он причины собственного развала. И когда тоталитарный режим, как и всякие прежние тирании, рушится, улетает, как кашеево наваждение, люди пробуждаются. И так получается, что одной из примет возникающей свободы является тяга к оружию, желание стрелять. В кого? Зачем? Как важно переплавить эту энергию в цивилизованные, правовые формы.

И здесь встает интереснейшая задача – во всей полноте и глубине понять, что это был за период – время дуэлей. В авторитарном обществе дуэли запрещены монархом. В правовом обществе дуэли запрещены законом. Но еще никто и нигде не перепрыгивал от деспотии к развитой демократии одним скачком. Для этого нужно историческое время. Это и есть время дуэлей. При деспотии независимой личности еще нет. В таком обществе дуэль – это не просто соблазн, это попытка заявить о своих правах. В развитом правовом обществе такая жестокая попытка уже не нужна.

Время дуэлей безвозвратно ушло. Но изучать жестокую историю российских дуэлей не только интересно, но и, по-видимому, необходимо.

В истории русской дуэли, особенно первой половины XIX века, поражает одно обстоятельство. Сколь часто по обе стороны барьера мы видим прекраснейших, честнейших людей, цвет русского общества, нет, не по чинам и званиям, но прежде всего по уму, таланту и благородству. Как часто на поединок выходили люди, испытывающие друг к другу чувство не просто уважения, но и нежной дружбы. Порой даже любви. И все же они стрелялись. Это кажется непостижимым.

Какая злая сила заставляла Кюхельбекера направить дуло пистолета на Пушкина, Пушкина – всерьез готовиться к дуэли с решительным и бесстрашным Рылевым, отважного до безрассудства

Якубовича, будущего декабриста, – стрелять в Грибоедова, умнейшего Лунина – постоянно вызывать на поединки друзей и врагов, без разбора? Эта неподражаемая воинственность на грани безумства, эта высокая готовность вызвать друга-врага и встать к смертному барьеру – одна из загадок не только русской дуэли, но и всей русской жизни.

Увы, не все поединки заканчивались бескровно. Известно, что дуэль собрала обильную кровавую жатву на поле российской культуры. Многие московские памятники напоминают нам о людях, которые некогда стрелялись на дуэли или даже погибли на ней. Конечно, монументы поставлены не за то, что эти люди храбро выходили к барьеру, а за их вклад в русскую культуру. И все же – пройдите по Москве.

Если от опекушинского Пушкина по бульварам двигаться к Покровским воротам, минут через двадцать, обогнув павильончик метро «Чистые пруды», уткнешься в бронзового Александра Сергеевича Грибоедова, участника знаменитой «четверной» дуэли (кавалергард Шереметев стрелялся с графом Завадовским, а Грибоедов – с Якубовичем, будущим декабристом). Чуть в стороне, за Садовым кольцом, у Красных ворот стоит на постаменте Михаил Юрьевич Лермонтов, погибший на поединке. Если же от Пушкина пойти по бульвару в другую сторону, то вскоре во дворе дома, где в XX веке жили Платонов и Мандельштам, можно увидеть статую Герцена. Александр Иванович был ярким противником дуэли, остро писал против нее, однако, когда дело дошло до него самого, не колеблясь принял вызов итальянского революционера Феличе Орсини. Дуэль удалось предотвратить, но на этом дуэльные эпизоды в жизни Герцена не прекратились. Дважды он должен был стреляться с немецким поэтом Георгом Гервегом... В семью Герцена тот вошел как друг. И – возник любовный треугольник. Увлеченная немецким поэтом Наталья Александровна в 1850 году покинула своего мужа. Герцен переживал. Однажды он сказал в бешенстве про Гервега и предстоящую дуэль: «Ехать и убить его, как собаку...» Дуэль предотвратили. В июле 1851 года жена вернулась к мужу. По оценке одного близкого к семье человека, вернулась все такой же бесконечно любящей.

Нет в Москве памятников Алексею Писемскому и Василию Курочкину. Однако известно, что Алексей Феофилактович вызывал на бой знаменитого поэта-сатирика.

В пятнадцать минутах ходьбы от дома Герцена в бронзовом кресле грузно сидит Лев Толстой, который готов был стреляться с Иваном Тургеневым. Неподалеку, в сквере, за домом банкира Рябушинского с недавнего времени стоит стройное каменное изваяние трепетно-романтического Александра Блока, который вызывал на дуэль своего самого близкого друга Андрея Белого. Впрочем, годом раньше Белый вызывал Блока. Андрей Белый, Николай Гумилев, Максимилиан Волошин, которым пока еще памятники не поставили, – все они герои дуэльных историй. Скажем, ссора Белого с Валерием Брюсовым из-за Нины Петровской чуть было не привела к дуэли. А вот и поэт Владислав Ходасевич рассказывает, что у него могла случиться в 1907 году литературная дуэль. Вызывала его на бой девушка! Ее звали Мариэтта Шагинян. В письменном вызове, врученном поэту секундантом, тоже девицей, утверждалось, что он жесток со своей женой, Мариной Рындиной. «Вы угнетаете Марину, – писала 19-летняя будущая писательница юному поэту (он был всего на два года старше), – Вы бьете ее. Я люблю ее. Я Вас вызываю. Как оружие предлагаю рапиры. Сообщите подательнице сего, где и когда она может встретиться с Вашими секундантами. Мариэтта Шагинян». «Я с барышнями не дерусь», – ответил подательнице картеля Ходасевич. Шестью годами позже М. Зощенко на Кавказе, под Кисловодском, должен был стреляться с неким «правоведом К» (так называет его в воспоминаниях Михаил Михайлович). А еще через год, в январе 1914-го, Борис Пастернак бросил вызов поэту и переводчику Юрию Анисимову. До дуэли не дошло, противников помирили.

Если в годы большевистской диктатуры офицерские дуэли исчезли сразу и навсегда (отдельные инциденты случались, но лишь подтверждали правило), то литературная дуэль оказалась более живучей. Так, в 1922 году Вениамин Каверин вызвал на дуэль Зощенко. К счастью, дуэль расстроилась, и замечательным писателям не пришлось целиться друг в друга.

Тут необходимо припомнить и Осипа Мандельштама, у которого была серьезная дуэльная история с поэтом Вадимом Шершеневичем, а через несколько лет – с писателем Алексеем Толстым. С «советским графом», бывшим некогда секундантом в дуэли между Гумилевым и Волошиным, Осип Эмильевич не стрелялся, видимо, только потому, что во время их ссоры (классической, с пощечиной, которую поэт дал писателю за оскорбление жены) – конец 20-х годов – жизнь невероятным образом переменялась. Во-

круг было столько пропагандистского шума о «новой жизни», столько барабанов и литавр и одновременно столько лжи, арестов, расстрелов, тяжелой несвободы, что дуэль должна была казаться невероятным анахронизмом. Да и пистолетов или же револьверов литераторы уже нигде бы не нашли...

На фигуре Осипа Мандельштама задержим взор. Маленький худенький юноша (с ресницами в полщеки, как вспоминала Анна Ахматова), нараспев читающий свои стихи, из русских поэтов XX столетия оказался, как это ни странно, главным фигурантом по количеству дуэльных историй и в этом смысле прямым наследником Пушкина. Собственно, и в поэзии Мандельштам является его наследником – по блистательному уму, по изумительному владению классической формой стихосложения (по простоте стиха, по скромности рифмы!) и по метафизической страсти к свободе (в этом следовании Пушкину равного Мандельштаму нет; если вспомнить Блока и Пастернака, то они скорее наследники Лермонтова, его трудно переводимой на язык интеллекта чувственности).

Вторым в ту эпоху может быть назван ближайший друг Мандельштама Николай Гумилев. Оба словно бы вызвали на поединок большевистскую кровавую власть и оба в столкновении с этим адovým чудищем погибли. Чем вызвали? Да одной лишь своей гордостью, независимостью, несгибаемостью.

История с Яковом Блюмкиным, всесильным тогда чекистом – разве не вызов? А дело было так. Знаменитый левый эсер Блюмкин, прославившийся громким убийством германского посла графа Мирбаха, любил поэзию и поэтов. По этой причине помощник самого тов. Дзержинского частенько появлялся в кафе поэтов на Садово-Триумфальной и в буфете Дома печати. Однажды в табачном дыму и винных парах, в ответ на чьи-то стихи о жизни и смерти, достал он из кожанки пачку листков и сказал с философской задумчивостью:

– Что такое жизнь человека? Дым и тлен. Какова цена? Вот она вся! – и он показал присутствующим бумаги, подняв их над головой.

Оказалось, что это бланки на расстрел, уже заранее подписанные председателем ВЧК.

– Фамилию могу вписать любую. Дзержинский мне доверяет. Вот сколько жизней у меня в кулаке, – тяжелым взором оглядел Блюмкин притихших поэтов.

– Подписано самим Дзержинским? – спросил сидевший неподалеку Мандельштам. – Не верю.

– Кому ты не веришь? – изумился Блюмкин. – Смотри!

Казалось, поэт с интересом рассматривает переданные ему бумаги. И вдруг порывистыми движениями он рвет их все на мелкие клочки. На миг оцепеневший Блюмкин опомнился и выхватил револьвер.

– Сегодня ты будешь первым, кого я впишу в подобный бланк. У меня еще найдется.

Ствол был направлен на побледневшего, но не сдвинувшегося с места Мандельштама.

Еще секунда, и... Кто-то из стоявших за спиной чекиста поэтов кинулся на него и револьвер вышиб. Тогда еще были отважные люди.

Чуть позже случилось столкновение с упомянутым выше Шершеневичем. Только последний попытался поднять на поэта руку, как немедленно получил от него (как в лучшие дуэльные времена) картель, в котором одним из секундантов был назван Сергей Есенин. Сам Шершеневич вспоминал: «Не знаю почему, но из-за какой-то легкой ссоры с Мандельштамом на вечеринке Камерного театра я разгорячился и дал ему пощечину. Нас растащили. На другой день... ко мне явился поэт Ковалевский. Он явился торжественно и передал мне торжественный вызов на дуэль от Мандельштама. Вызов был смешон. Еще бы один день, и я пошел бы извиняться перед поэтом, которого я люблю, и человеком, которого я уважаю... В результате дуэли, конечно, не было». Даже из этих субъективных записок нетрудно понять, что Мандельштам был неукротим до той поры, пока Шершеневич не принес извинения. Но так же поступал и Пушкин. Когда перед ним извинялись, он немедленно отступал.

В следующей истории уже Мандельштам отвесил пощечину – как раз «советскому графу» Алексею Толстому. И, наконец, смертельный номер. Мандельштам бросает вызов тирану. Сочиняет в ноябре 1933 года и читает в кругу друзей стихотворение, страшное своей простой правдой и клеймящей язвительностью:

Мы живем, под собою не чуя страны,
Наши речи за десять шагов не слышны,
А где хватит на полразговорца,
Там припомнят кремлевского горца...

...А вокруг его сброд тонкошеих вождей,
Он играет услугами полулюдей...

Вызов? Еще какой!

Круг друзей был узким, их было на два человека меньше, нежели на Тайной вечере, но Иуда, конечно, нашелся (ныне его фамилия известна). Уже на следующий день стихотворение, записанное услужливой рукой доносчика, лежало на столе у «кремлевского горца». Но разве «царю» пристало рядиться с рядовым подданным? Убить? Сгноить немедленно? Однако вождь задумался. Дело в том, что Сталин уважал и побаивался лишь одного на свете племени – поэтов. Расстреливал и сажал их он очень неохотно. Хотя, конечно, приходилось. Но он, сам в юности писавший стихи, знал, какая это сила – настоящая поэзия. В надежде обмануть самого себя он позвонил Борису Пастернаку и стал допытываться у него, большой ли поэт Мандельштам? Пастернак отвечал путано и не совсем по делу (на твердую четверку, как позже оценит это Ахматова), однако Сталин решил лишь на высылку.

Затяжная дуэль началась. Высланный в холодную дикую Чердынь, а потом переведенный в «теплый» Воронеж, поэт продолжал писать невероятно наглые (с точки зрения властвующих холопов) стихи.

...А стены проклятые тонки,
И некуда больше бежать,
А я как дурак на гребенке
Обязан кому-то играть.

Наглей комсомольской ячейки
И вузовской песни наглей,
Присевших на школьной скамейке
Учить щебетать палачей...

Это ли не вызов? Самое обидное здесь – не слово «палач», это им лишь добродушный смех в усы. А вот что на школьных скамейках присели, это до смерти обидно, потому что полуграмотные, и это колючая правда. У этих палачей, вчерашних холопов, за плечами в лучшем случае несколько лет церковно-приходской школы, захолустной семинарии или год-два учебы в провинциальном университете, из которого их так или иначе вытурили. Они невежды и тупицы. Оттого вдвойне хитры, втройне мстительны и кровожадны.

Эта поэтически-политическая история имеет прямое отношение к дуэли. Мандельштам, дуэлянт, то есть воин-одиночка и по природному темпераменту, и по принадлежности к поэтическому цеху, презирал большевистскую власть и не мог не объявить ей войны. Войну эту (читайте – дуэль) он вел доступным ему оружием – словом.

Разумеется, попытку назвать эту историю дуэльной можно расценивать как обращение к метафоре. К страшной и голой метафоре, которая в XX веке заменила реальность веков, прошествовавших ранее. Но меня интересует не столько сама дуэль (со всеми ее деталями, великими и ничтожными), сколько судьбы и характеры людей, умевших ответить на вызов времени.

И все же вернемся к обычным дуэльным эпизодам. В классические времена российских поединков, в первой половине XIX века, в числе дуэлянтов прежде всего поэты и революционеры из дворянской среды. Конечно, и другие тоже. Но эти в особенности. Почему именно они? Нет ли чего-то общего, внутренне связующего, между готовностью сражаться за свободу и готовностью выйти к смертельному барьеру против обидчика?

Мы вспоминаем дуэльные эпизоды столетней или двухсотлетней давности. Всматриваемся в лица дуэлянтов. Найдём ли что-нибудь поучительное в разнообразных дуэльных сценах, когда человек для защиты чести (порою ложно понимаемой) выходил на бой со шпагой или пистолетом в руке? Выходил – и убивал вчерашнего приятеля. Или погибал сам. Или наносил рану сопернику. Или его самого, раненого, на плаще уносили друзья и секунданты.

Русская дуэль XIX века редко обходилась без крови. Русские дуэли были более жестокими и бескомпромиссными, нежели европейские. Вот читаем типичное у А. А. Бестужева-Марлинского: «Теперь об условиях: барьер по-прежнему – на шести шагах? – На шести. Князь и слышать не хочет о большом расстоянии. Рана только на четном выстреле кончает дуэль, – вспышка и осечка не в число».

Сколько раз подобные суровые условия требовательно выдвигались враждующими сторонами, даже если дуэль выросла из пустяковой ссоры!

Из дневника князя П. И. Долгорукова за 1822 год: «21 июля: За обедом у Инзова горячий спор Пушкина с отставным офицером Рутковским, рассказывающим небылицы о “граде весом в три фунта”. После обеда решают драться на дуэли. В комнате Пушкина

происходит резкое объяснение. Инзов приказывает посадить Пушкина под домашний арест».

Кабы не приказ умницы-генерала, не выпало ли бы малоизвестному Рутковскому досрочно сыграть роль Дантеса? Впрочем, подобных эпизодов (в том числе и со стрельбой у барьера) в биографии Пушкина множество. Не странно ли: поэт был готов стреляться из-за любой малости. Власть кодекса чести, говорят нам исследователи той поры и в доказательство приводят пушкинское же:

...И вот общественное мнение!
Пружина чести наш кумир!..

Но ясно ведь, что трехфунтовый град конкретно ничьей чести не задевал. Значит, были еще какие-то основания, какие-то глубинные причины, заставлявшие лучших и самых пылких людей тогдашнего русского общества столь горячо и безрассудно бросаться в дуэльные баталии, почти любое нелепое столкновение раздувать до уровня кровавой «разделки».

История российских дуэлей насчитывает едва ли три столетия и при близком и внимательном ее рассмотрении являет собою некое окошко, через которое можно разглядеть что-то глубинное и своеобразное в великой драме русской жизни. По благородству поведения на дуэлях русские дворяне порой могли бы соперничать с Дон Кихотом. Да и в самой их жажде ссор и поединков было немало донкихотского. А все дело, видимо, в том, что русское дворянство, сложившись как единое сословие с общим сословным понятием чести довольно поздно, в качестве поля борьбы за свободу и личное достоинство долгое время не могло сыскать ничего иного, кроме поля дуэльного. И оно кинулось туда с той же страстью, с какой герой Сервантеса кидался на ветряные мельницы.

Европейская дуэль вошла в высшее русское общество с ветром европейской свободы. Дуэльный обычай оказался способом платы – и нелегкой платы – за право дышать ее свежим воздухом.

Не следует думать, что этот обычай впервые проник на российские пространства лишь в XVII веке. Древняя Русь времен походов княжеских дружин на Византию знала традиции поединков, очень похожих на поединки европейского рыцарства той поры. Исторические судьбы, однако, постепенно начали отдалять Русь от Европы. И в XVI веке, во времена Ивана Грозного, авторитарная государственность не создавала благоприятных условий для расцвета

личности, не позволяла стране включиться в европейское Возрождение.

И нужен был Петр, чтобы расчистить путь для западных влияний, для духа свободы, личного достоинства и, в конце концов, для дуэли, этой смертельной забавы свободных людей, – надо было ему бежать из Москвы к финским болотам и там строить новую великую столицу. Именно там, на берегах Невы, российское дворянство в ревностном служении дуэльному обычаю постепенно превзошло своих учителей-европейцев. История российской дуэли XVIII–XIX веков – это, по сути, часть истории Санкт-Петербурга.

Если в Москве до этого и случались поединки, то среди иностранцев. Например, в знаменитой Немецкой слободе. В северной же столице дуэльные традиции быстро распространились в среде русских людей. Веяния эти докатились и до древней столицы, и до провинциальных уголков обширной России. И если мы читаем описания офицерских дуэлей в затерянных на краю империи гарнизонах, то нет сомнения, что за каждой стычкой скрывается петербургский дух, петербургская мода.

Как только из прорубленного Петром окна потянуло вольным европейским ветром, начала пробуждаться в русских людях энергия свободы, подавленная столетиями рабства, энергия, истоки которой восходят к временам дружинной вольницы. В еще несвободном, но идущем к свободе обществе возникает искаженно-преувеличенное внимание к поединкам чести.

Лишь в 1762 году был издан закон о вольности дворянской, отменены телесные наказания для дворян. К началу XIX века появились поколения дворян непоротых. Однако не слабело духовное и политическое давление авторитарного государства.

Стихия свободы для военных дворян, конечно же, война. В мирные времена ее роль выполняли дуэльные баталии. Где, как не на дуэли, можно было открыто продемонстрировать и личную храбрость, и ревнивое отношение к чести, и презрение к смерти? Где, как не на дуэли, можно было бросить вызов тирании, настоять на своем – и только своем – праве распоряжаться собственной жизнью? Отсюда жесткость и даже жестокость поединков. Даже если это поединок приятелей.

В образе русской дуэли, в ее эволюции мы можем увидеть три особенности и как бы три этапа:

– дворянский этап (классическая дуэль). Это время порыва и нетерпения. Нетерпения почувствовать свободу для себя, чтобы

потом задуматься о свободе для других (отсюда идеи неосуществившейся дворянской революции);

– разночинский этап (место дуэли начинает занимать террор, возникают планы насильственной переделки общества сверху донизу). Время утопических мечтателей, желающих освободить *все* общество и готовых для этой цели пролить кровь (и чужую, и свою);

– маргинально-деклассированный этап (дуэль исчезает, обращаясь в свою противоположность – массовый террор и геноцид). Время исторических насильников, готовых ради ложных идей и своих узких интересов залить кровью весь мир (но все больше чужой, свою они берегут как могут).

Во всех трех этапах поражает наличие (в разных масштабах) национального подсознательного комплекса суицида.

Сжатая столетиями тоска по свободе, однажды вырвавшись, не могла не привести к искажениям и перекосам в духовной жизни народа. Не отсюда ли крайности, столь заметные в российском национальном характере? Именно в российском, а не только в этнически русском, ибо в котле российской истории переплавились в нечто сложное национальные характеры и восточных славян, и литовцев, и угро-финнов, и пришельцев из Европы (с общим названием «немцы»), и татар (а в дворянстве татарская ветвь особенно заметна – еще от тех мурз, что шли на московскую службу при Василии Темном), и кочевников Великого Поля, и евреев, попавших в Россию при разделах Польши, и кавказских горцев.

И не от этого ли сильного порыва поразительный выход русской мысли и русского чувства на запредельные нравственные высоты, удивительным образом уживающиеся с самым темным, самым диким и безрассудным? Высоты неба и глубины ада, напряжение, которое острее и смятеннее Ф. Достоевского никто в мире, пожалуй, не обрисовал. Не случайно Достоевский, писатель, казалось бы, далекий от дуэльных тем, все же затронул и этот нерв русской жизни (и в романах, и в повести «Кроткая»).

Касаясь возвышенной, так сказать, стороны дуэли, подчеркнем, что была, разумеется, и низменная. На дуэлях дрались и подлецы, и хладнокровные убийцы-бретеры, и безответственные забияки, и просто случайные люди, втянутые в водоворот событий тиранией общественного мнения или же привязчивой модой. Не исключаем и того, что эта низменная сторона могла количественно превзойти, перевесить светлую, возвышенную. Числом перевесить – могла.

Но не могла затмить. Ибо кровавые схватки, втянувшие в свой круговорот множество прекрасных русских людей, были превращенной формой борьбы за свободу и личное достоинство человека. Вот почему, имея в виду некую основную пружину, особый внутренний огонь этого исторического явления – российской дуэли, я готов повторить исходную мысль: дуэльные барьеры оказались ветряными мельницами для исторически запоздавших бесчисленных русских донкихотов. Вот почему с интересом вглядываемся мы в как будто бы однообразные, но на самом деле каждый раз отмеченные какой-то своей загадкой события, влекущие людей к роковому барьеру.

А теперь – самый странный, самый страшный, самый сокрушительный вывод... или же самый естественный, с печальной и трагической необходимостью вытекающий из сказанного, – как кому покажется. Мысль, прежде звучавшая невнятно, выданная в ясной и откровенной форме, может произвести впечатление высокомерной, претенциозно-элитарной, не ко времени утонченной и аристократически-презрительной, предельно недемократичной и в этом смысле вполне скандальной. Однако, увы, эта мысль имеет право на существование и не лишена известной логики.

Я давно сомневаюсь, что так называемый *маленький человек* – главный мотив и первая обязанность русской литературы. Бесконечно люблю гоголевскую «Шинель», а все же сомневаюсь, что речь там идет о пресловутом *маленьком*. О человеке – да! Но каждый человек равен Вселенной. Каждый равен по-своему, а все же равен! Микрокосм равен Макрокосму. Эта замечательная мысль была подзабыта за два последних столетия, но сейчас оживает. И правда ее становится все более убедительной.

Тогда откуда интерес все больше к героям, к личностям крупным? В документальной прозе в особенности.

Все знают библиотеку «Жизнь замечательных людей». Можно ли вообразить длинную серию «Жизнь *не* замечательных людей»? В художественной литературе это вполне возможно – и потому именно, что в любом сколь угодно маленьком человеке нам показывают человека, микрокосм, а через него – Вселенную. Бога.

У документальной исторической прозы в этом смысле возможности ограничены. Она тяготеет к людям заметным, к людям талантливым, к людям великим. И это понятно. Перефразируя одно из важнейших диалектических высказываний К. Маркса, можно сказать, что ключ к анатомии души маленького человека лежит в анатомии личности крупной, состоявшейся.

Любой социальный организм в основной структуре своей устроен пирамидально – со сложными вертикальными связями при невероятно разветвленной сети связей горизонтальных. Вершина пирамиды – это всегда элита, точнее, сложное сплетение нескольких элит – властных, интеллектуальных и творческих. Элиты эти не могут быть многочисленными уже по своей природе. Масса – многомиллионнолика. Заметных личностей – единицы, десятки, сотни, может быть, тысячи. На этих числах – граница, обрыв... Как оценить это? Как осмыслить гармонию всей пирамиды? Вопрос не новый, но каждая эпоха старается найти в нем какую-то свою грань.

Во всяком случае, один тезис я хотел бы здесь утвердить: *качество демократии проверяется качеством элиты*. В известном смысле это перифраз гегелевской сентенции о том, что *каждый народ достоин своего правительства*. И уже по правительству, по его действиям судим о том, каков народ.

Срезьте у общества эту малую верхушку (какие-то несколько тысяч людей, называемых *элитой*), и смысл истории пропадет. Да и само человечество, точнее, его божественный замысел, исчезнет. Останутся стада. Те самые, о которых поэт сказал: «Паситесь, мирные народы...»

Когда еще у этих *мирных народов*, срезавших собственное серое вещество, нарастет новый культурный слой?! Да и каким он будет? Это вопрос.

Дуэльный обычай в старой России был одной из примет (пусть не главной, пусть даже маргинальной и по-своему варварской и кровавой, но приметой) присутствия личности, человека свободы, *не раба*. Когда с дуэлью резко покончили (выглядело так, как будто бы сама жизнь опрокинула *варварский способ* сводить счета промеж *благородных* людей), кровь в стране потекла многократно усиленными ручьями, а к власти и на вершину общества пробрались вчерашние рабы, самое презренное племя.

При решении так называемых демократических проблем мы не должны упускать философскую перспективу бытия. Довольно туманную, пока ее не приколешь к бумаге булавкой, заточенной на манер Блаженного Августина, Марка Аврелия и еще нескольких умнейших персонажей типа Б. Паскаля и С. Кьеркегора. Люди живут не для пахоты и косьбы (хотя без них не обойтись), не для пшеницы и хлопка, нефти и алюминия. Не для коттеджей на Лазурном берегу или на Рублевке. Не для пожирания суши и угря

в медовом соусе в модном кабаке. Не для приколов по мобильнику. И даже не для тряски а ля св. Витт на эстрадных тусовках. Короче, они не знают, для чего живут.

И вот теперь мы заново начинаем понимать, почему среди русских дуэлянтов так много поэтов, людей, в сущности, «ненужных», ничего не производящих. Может, они и вправду лишние люди, вместе с их никчемной рифмованной горячечной речью, вместе с их нелепыми боями «по правилам»? Обратите внимание, поэзия наша национальная, подлинная, вершинная куда-то закатывается. Разглядеть ее даже на горизонте все труднее. На поэтические слова Пушкина, Лермонтова или Блока не написали ни одного так называемого *хита*, достойного прозвучать на стадионе, да еще с уровнем звука в 140 децибел. Очевидная несовместимость. Бедняги, на что они жизнь положили!

Нет ничего более далекого, нежели дуэль и раб! Нежели дуэль и хам. Нежели дуэль и жалкая песчинка охлоса. Нежели дуэль и низкий, пошлый, сам себя не уважающий человек. Нежели дуэль и убийца из-за угла.

Идеализую? Немного есть (ироничный читатель усмехнется). Но ведь идеализую в точности по Платону – указывая на главную и высшую суть явления.

Между прочим, в России царей изгнали почему-то именно тогда, когда они начали терпимо относиться к дуэли. По этому ли признаку можно судить, по другому ли, но Россия поторопилась освободиться от монархии. Исторически она была не готова к этому. Мы можем отчасти понять это, глядя на Северную Европу, где почти во всех странах сохранились царствующие дома, что не мешало этим государствам достичь высот демократии и цивилизованности. Еще один пример для нас – Испания. А мы здесь, в России, поторопились. Увы. Теперь уж все. Ни монархии не вернуть, ни дуэли. И надо думать, как жить дальше без этого, как переползти через болото, не впадая ни в глупый авторитаризм, ни, тем более, в пошлую тиранию.

Итак, общество – это культурная пирамида. И все дело в ее верхушке, откуда и срываются искры в божеский мир. Все нижние слои – опора пирамиды, ее тело, но не ее смысл. Один из самых трудных вопросов демократической философии и практики – как удержать вершину пирамиды, не дать ей осесть, сползти, тем более рухнуть... Становится предельно понятен тезис о том, что демократия прежде всего защищает права меньшинства. Меньше всего

я здесь имею в виду модные ныне рассуждения о сексуальных меньшинствах и прочей пошлой ерунде. Моя мысль проще и грубее: демократия – это когда прежде всего защищены права (вплоть до личной безопасности, до неприкосновенности – со стороны государства, церкви и прочих *машин*) таких *людей*, как Сократ, Сенека, Данте, Бруно, Галилей, Лавуазье, Шенье, Гумилев, Лорка, Мандельштам, Мейерхольд, Вавилов, Михоэлс, Сахаров... Список этот может продолжить в любую сторону исторического времени каждый читатель, согласный с этой идеей. Но печальная тонкость заключается в том, что излишне длинным он в любом случае ни у кого не получится.

Кто же должен был защитить этих гениев? И как? Но это как раз повод задуматься о том, что такое дуэль, что такое государство, что такое несправедное убийство и убийство вообще, почему бывает смертная казнь и, самое главное, – что такое свобода...